

В. Е. Быкасов

ПОХОД И. МОСКВИТИНА НА ЛАМСКОЕ МОРЕ

Обзор работ, посвящённых описанию похода И. Москвитина, вскрывает несколько существенных ошибок, допущенных исследователями при оценке происходивших событий. Среди них, прежде всего, следует отметить привязку маршрута И. Москвитина к р. Улье не по р. Мае и её левому притоку – р. Нудыми, а по р. Юдоме – правому притоку Маи. А также утверждение отдельных историков о том, что р. Нудыми как таковой в природе вообще нет.

Ключевые слова: Москвитин, Ламское море, Алдан река, Мая река, Нудыми река, Улья река.

V. E. Bykasov

MOSKVITIN'S EXPEDITION TO THE LAMSKOYE SEA

A review of studies dedicated to I. Moskvitin's expedition reveals several significant errors made by researchers in evaluating the events. Chief among these is the incorrect attribution of I. Moskvitin's route to the Ulya River rather than via the Maya River and its left tributary, the Nudymi River, and instead suggesting the Yudoma River, a right tributary of the Maya. Additionally, some historians have asserted that the Nudymi River does not exist at all.

Keywords: Moskvitin, Lamskoye Sea, Aldan River, Maya River, Nudymi River, Ulya River.

Как известно, первыми из русских людей на берег Охотского моря вышли казаки отряда И. Москвитина, отчего этот поход и привлекал к себе особое внимание исследователей и краеведов. Например, только Б. П. Полевой написал по этому поводу 16 статей. Казалось бы, всё, что можно было сказать об этом походе, уже сказано. Однако при этом историками было допущено несколько крупных ошибок, на которые почему-то не обращалось внимания.

Целью данной работы является анализ самых принципиальных ошибок, совершённых и неоднократно повторённых исследователями при оценке ими происходивших событий. Среди них, прежде всего, следует отметить привязку маршрута И. Москвитина к р. Улье не по р. Мае и её левому притоку – р. Нудыми, а по р. Юдоме – правому притоку Маи. А также утверждение отдельных историков о том, что р. Нудыми как таковой в природе вообще нет.

Л. С. Берг по этому поводу написал: «Посланный из Томска на Лену атаман Дмитрий Копылов основал в 1637 г. при впадении Маи в Алдан зимовье. В 1639 г. он отправил казака И. Москвитина с 31 служивым вверх по Мае на "большое море-окиян по тунгусскому языку на Ламу". Они перевалили через хребет, вышли к берегу Охотского моря на устье р. Ульи, западнее теперешнего Охотска, и поставили здесь, среди тунгусского населения, ясачное зимовье» [5, с. 83–84]. То есть он казацкое зимовье ошибочно привязал к устью р. Маи. Но при этом так и не отметил, какими реками И. Москвитин вышел к перевалу хребта Джугджур и оттуда

к истоку р. Ульи. Впрочем, это и понятно, так как полноценных топографических карт данного региона тогда ещё не существовало.

Почти точно так же спустя четыре года эти события изложил и А. В. Ефимов: «Партия атамана Дмитрия Копылова, посланная в 1636 г. из Томска, в 1638 г. заложила в 100 вёрстах от устья Маи Бутальское зимовье. В 1638 г. (на самом деле в 1639 г. – В. Б.) оттуда отправилась "на Большое море-Окиян, по тунгусскому языку Ламу" партия под начальством Ивана Москвитина, отделившаяся от Копылова. Отряд перешёл с Алдана на Маю и Юдому и волоком достиг р. Ульи, причём Москвитин дошёл до впадения Ульи в Охотское море, где и прожил два года» [7, с. 56]. По его мнению, Бутальское зимовье располагалось в 100 км от устья р. Маи. Но он не уточнил где – выше или ниже устья Маи оно стояло. И явно ошибся, «отослав» отряд И. Москвитина к р. Улье по притоку Маи – р. Юдоме. Чтобы от Юдомы можно было выйти к Улье, нужно было бы оставить свои струги на Юдоме, пересечь пешком водораздел между долинами Юдомы и Маи, построить на Мае новые струги, и только после этого доплыть на них к р. Нудыми, волоком по ней подняться к перевалу хребта Джугджур и от него спуститься вниз к Улье. Или вернуться к р. Мае и по ней доплыть до р. Нудыми. Но москвитинцы этого не делали.

Такого же мнения придерживался и М. И. Белов: «Ещё в 1636 г. (в 1637. – В. Б.) из Томска "для прииску новых земель" прибыл на Алдан отряд Дмитрия Копылова. Поставив там зимовье, Копылов начал собирать ясак с тунгусских племён...

Узнав от тунгусов о богатой соболями области Ламы (в переводе на русский язык "лама" – это вода; так тунгусы называли океан, море), Копылов в 1639 г. послал туда 32 томских и красноярских казаков во главе с Иваном Юрьевым Москвитинным. За отрядом увязалось много промышленных и торговых людей с Алдана. Москвитин направился вверх по р. Мае, перешёл затем на её приток Юдому и после двухмесячного плавания перевалил через хребет Джугджур. С истоков р. Ульи казаки прошли до берега Охотского моря» [4, с. 25].

Верно определив цель – поиск путей к «большой воде», М. И. Белов ошибся, когда говорил о том, что к отряду И. Москвитина привязалось много промышленных и торговых людей. Ничего не сказал он и о зимовье землепроходцев на р. Алдан. И он, как и А. В. Ефимов, посчитал, что казаки отряда И. Москвитина от Маи перешли на р. Юдому и уже оттуда направились к перевалу хребта Джугджур, с которого спустились к истокам р. Ульи. А ведь на самом деле землепроходцы к р. Нудымы поднялись по р. Мае, миновав при этом устье р. Юдомы.

Совсем невероятным образом описал ситуацию с походом И. Москвитина А. И. Алексеев: «31 января 1636 г. из Томска на Лену вышел небольшой, числом 50 человек, отряд томских казаков во главе с атаманом Копыловым. С Лены Копылов отправился на Алдан, и в 1638 г. недалеко от впадения в Алдан р. Мая построил Бутальское зимовье. Окончательной целью его похода являлось, надо полагать, достижение таинственной Ламы реки, которая до того времени представлялась огромной рекой, текущей параллельно Лене. Считалось, что добравшись до Ламы-реки, можно по ней добраться и до Китая» [3, с. 9]. Ламское море («большую воду»), которое по представлению служивых и промышленных людей протягивалось от Китая до Северного моря, он «отождествил» с несуществующей в природе громадной рекой по имени Лама.

А вот как этот же поход описали авторы монографии «История открытия и исследования Советской Азии»: «Летом 1637 г. Копылов спустился из Якутска вниз по течению до устья Алдана. Отсюда на шестах и волоком его люди на лодках поднялись до места впадения Маи. Приближались холода, и Копылов, поднявшись ещё вёрст на 100, заложил у реки (Алдан. – В. Б.) Бутальское зимовье. Ходили за пушным зверем, собирали ясак с окрестных тунгусов, а летом 1638 г. (1639. – В. Б.) группа казаков под нача-

лом Ивана Москвитина отправилась "на большое море-окиян, по тунгусскому языку Ламу"» [1, с. 273]. По их мнению, Бутальское зимовье располагалось в 100 вёрстах выше устья Маи.

В некотором роде повторили это представление и Д. М. Лебедев с В. А. Есаковым: «Отправленный в 1636 г. из Томска для обследования "Ленской земли" и объяснения населения казачий атаман Дмитрий Копылов прошёл с отрядом из Енисейска по Верхней Тунгуске, Куте и Лене в Якутский острог и, выйдя оттуда, заложил в 1637 г. Алданское (Бутанское) зимовье примерно в 100 вёрстах от устья Маи. Посланный и с частью отряда "на большое море окиян по Тунгусскому языку на Ламу" казак Иван Москвитин поплыл в 1639 г. из Маи в Юдому, перевалил волоком через хребет Джугджур, достиг р. Ульи и вышел к берегам Охотского моря» [8, с. 105]. Но и они не сказали где – выше или ниже устья р. Маи – было поставлено Бутальское зимовье. Более того, не обратив внимания на то, что верховье р. Юдомы располагается в 100 км севернее хребта Джугджур, они переход на р. Улью привязали к р. Юдоме.

Вторила им и К. В. Цеханская, которая в своём комментарии к «Росписи рекам и имена людям, на которой реке которые люди живут...» [13 с. 94] написала: «Нюдьма – теперь р. Юдома». Ну а В. Г. Вус и вовсе считал, что «на современной карте нет реки с таким (Нюдома) названием. Очевидно, речь идёт о р. Юдоме, крупном правом притоке р. Маи» [6, с. 11]. А ведь к этому времени р. Нудымы появилась даже на учебных картах.

Вот что написал Ф. Г. Сафронов по этому же поводу: «31 января 1636 г. атаман Дмитрий Иванович Копылов получил наказную память томских воевод Н. И. Ромодановского и А. А. Бунакова идти в Енисейский острог, а оттуда по Лене на восток – где никто не бывал и ясаку "не имывал". Ему было дано 50 казаков» [14, с. 18]. И тем самым верно указал на то, что Алдан, уходя на восток, довольно близко походит к Ламскому морю. Однако он тут же добавил: «Отряд прибыл в Енисейск 17 марта 1636 г. Потом по Верхней Тунгуске, Куте и Лене попал в Якутск. Осенью 1637 г. казаки спустились по Лене до устья Алдана, где их встретили "многие воинские люди – якуты и тунгусы, безуспешно пытавшиеся остановить их продвижение". Отряд поднялся вверх по Алдану и примерно в 100 верстах выше его устья поставил Бутальское зимовье» [там же]. Он явно оговорился, когда сказал, что зиму 1637–1638 гг. отряд Д. Копылова провёл

в 100 км от устья Алдана. Так как чуть ниже он сам же отметил, что: «От Бутальского зимовья отряд Москвитина плыл **вниз** (выделено мною. – В. Б.) по Алдану до устья Маи 8 суток, поднимался по Мае 7 недель, затем "малою речкою до прямого волоку в стружках" – 6 дней, волоком шёл один день и попал в верховье р. Ульи, по которой в стругах плыл 8 суток, далее, "зделав лодью", плыл до моря ещё 8 суток» [14, с. 18]. И тем самым совершенно верно указал, что этот острожек стоял многим выше устья р. Маи.

Почти то же самое говорил и В. А. Тураев: «Инициатором первого русского похода к Тихому океану был томский казачий атаман Дмитрий Епифанович Копылов. Под его началом в январе 1636 г. из Томска на поиски "новых земель" вышел отряд, в состав которого входил И. Ю. Москвитин. Казаки санным путём в марте того же года добрались до Енисейска. Дальше путь лежал по Енисею и Ангаре. Перезимовав на Ленском волоке (то есть на волоке, ведущем от Ангары к р. Кута. – В. Б.), отряд летом 1637 г. поплыл вниз по Лене и 20 августа достиг Алдана.

Скорее всего, с наступлением холодов отряд Копылова обосновался в Усть-Камнунском зимовье. Основанное в 1634 г. енисейским пятидесятником Ф. В. Чурочкой, и расположенное в устье р. Уялы – притока Алдана, оно давало прибежище многим казачьим отрядам» [16, с. 7].

И в этом своём представлении В. А. Тураев исходил из данных Б. О. Долгих: «Между Усть-Камнунским зимовьем и Бутальским острожком, как определяет их места Б. О. Долгих, примерно 450–500 км. Пройти это расстояние вверх по Алдану, если идти ежедневно не менее 10 часов, а именно такой была средняя продолжительность рабочего дня русского землепроходца, можно в лучшем случае дней за 35» [там же, с. 7]. Значит, Усть-Камнунское зимовье, по мнению Б. О. Долгих, располагалось примерно в 450–500 км выше Бутальского зимовья.

Однако Б. П. Полевой писал, что: «Ещё в 1957 г. мною был найден архивный документ, из которого стало очевидно, что Бутальский острожек был основан 28 июля 1638 г. "на устье Янды реки". Но лишь в августе 1989 г. туристическая группа В. Я. Сальникова из Орла по моей просьбе установила на месте, что река, которую аборигены называют "Янды", впадает в Алдан у посёлка Кутана» [11, с. 262]. А этот посёлок располагается в 225 км выше устья р. Маи.

К этому же, приблизительно, месту привязал Бутальское зимовье и Н. И. Никитин: «...50 казаков во главе с атаманом Дмитри-

ем Копыловым, несмотря на недовольство и противодействие енисейских властей, не жалующих конкурентов, добрались до верховьев Алдана, где построили Бутальское зимовье» [9, с. 31–33]. На его карте-схеме «Городов и зимовий Якутского края и Приамурья в XVII в.» зимовье размещается около 200 км выше устья р. Маи.

В «Распросной речи служилых людей Нехорошко Колобова, Андрея Горелого, Фёдора Чукичева о плаваниях по рр. Оймекон, Охоте и Индигирке в 30–40-х гг. от 8 января 1646 г.» говорится: «В прошлом де во 147-м г. с Алдана реки из Бутальского острожку посылал на государеву службу томской атаман Дмитрий Копылов томских служилых людей Ивашка Юрьева сына Москвитина да их, казаков, с ним 30 человек на большое море окиян, по тунгусскому языку на Ламу. А шли они Алданом вниз до Маи реки восьмеры сутки. А Маею рекою вверх шли до волоку 7 недель, а из Маи реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли 6 ден. А волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью, на вершину. Да тою Ульем рекою шли вниз стругом, плыли восьмеры сутки. И на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она пала в море, пятеры сутки» [12, с. 139]. Из этого следует, что зимовали казаки Д. Копылова всё же в Бутальском, а не в Усть-Камнунском зимовье. И что стоял этот Бутальский острожек в 450–500 км выше устья р. Маи, отчего отряд И. Москвитина и плыл до устья Маи восемь дней. Так что В. А. Тураев вслед за Б. О. Долгих по сути дела отождествил Усть-Камнунское зимовье с Бутальским.

Что касается плавания по р. Мае, то землепроходцы в другой своей отписке об этом говорили так: «...по Лене плыть вниз в судах сутки до усть Алдану реки, а по Алдану верховым путём (вверх по реке. – В. Б.) итти в судах до усть Маи реки 5 недель, а по Мае до волоку итти в судах до подволошной реки 6 недель до Нюдми, а по Нюдме в стругах итти вверх 6 дней ходу, до хрепта итти волоку половина дни на ламские воды на вершины ульинские, а с вершины до розсох итти пешим путём день ходу, из того места сойдутся две розсохи вместе, и из тех двух розсох пойдёт р. Улья, и от тех розсошек в судах плыть можно и до Ламы, и по той реке (Улье. – В. Б.) вниз в судах плыть 5 дней» [13, с. 92].

Но эти данные существенно отличаются от выкладок историков. Например, авторы монографии «История открытия и исследования Советской Азии» считали, что: «Москвитин по Мае и её притоку Нюдоме, теперешней Юдоме,

поднялся до порогов и, обойдя их, прошёл до реки Горбицы, впадающей в Юдому. Неподдалёку от реки Горбицы через волок, получивший название Юдомского креста, он перешёл на восточные склоны Джугджура. Отсюда до океана по прямой линии было совсем небольшое расстояние, и, если бы не туманы летом над Охотским морем, Москвитин уже с перевала увидел бы его открытые водные пространства. Путники "волоком за половину дня перешли на ламские воды, на вершины улынские" откуда добрались до такого места на реке Ульи, откуда можно было дальше идти сплавом вниз по течению. Улья, река горная, с большим количеством порогов и перекатов, оказалась "вельми быстра и убойных мест по ней много". Грузы гибли, а людей "только чуть живых бог выносил" из беды» [1, с. 273].

Они совершенно не обратили внимания на то, что Юдомский крест располагался в 300 км выше устья р. Горбицы. Не придали они значения и тому, что хребет Джугджур располагается в 100 км южнее Юдомского креста. А ведь при таком раскладе событий возникают три совершенно невероятных варианта следования москвитинцев к р. Улье. В одном случае нужно было бы волоком перетащить струги от места будущей установки Юдомского креста на верховье р. Май, сплавиться по ней до р. Нудыми и уже по ней перейти волоком на р. Улью. В другом варианте надо было бы волоком выйти к левому притоку р. Ульи – р. Амке, и по ней сплавиться к р. Улье ниже её порогов. Ну а в третьем случае и вовсе предстояло бы волоком уйти на р. Урак, сплавиться по ней к морю, затем морем доплыть до устья р. Ульи.

Однако в «Распросных речах служилых людей Нехорошко Колобова, Андрея Горелого, Фёдора Чукичева о плаваньях по рр. Оймекон, Охоте и Индигирке в 30–40-х гг. от 8 января 1646 г.» однозначно говорится о том, что «...река подволошная Нюдма пала в Маю с правою сторону (следуя по р. Мае вверх по течению. – В. Б.), ходу по ней 6 дней; а с тое реки переход на ламские воды на речки, на вершины: река за волоком пала устьем в Ламу...» [12, с. 92].

То есть существование реки Нудыми (Нюдмы) сомнений не вызывает. Что и подтвердил В. А. Тураев, который, проведя маршрутные исследования на местности, путь отряда И. Москвитина к этой реке и к её правому притоку привязал к р. Секча [16]. С его мнением согласился и Б. П. Полевой: «Переход с Нудыми к верховьям Ульи отнюдь не был сложным. Как отмечал ещё В. А. Тураев, лично изучавший этот район,

"высота перевала здесь едва достигала ста метров, а пологие, удивительно ровные и гладкие подходы к нему, как со стороны Нудыми, так и Ульи, сводили на нет и эту высоту"» [11, с. 263].

В таком случае исследователи, говорящие о маршруте И. Москвитина по р. Юдоме, принимали Юдому и Нудыми всего лишь на основе созвучия названий этих двух разных рек, за одну реку, совершенно не обращая при этом внимания на современные данные о гидрографической сети региона.

Не обращалось при этом внимания и на другие обстоятельства, связанные с походом И. Москвитина. Например, те же авторы монографии «История открытия и исследования Советской Азии» и некоторые другие исследователи считали, что казаки, проплыв через пороги Ульи на стругах, потеряли при этом всё своё снаряжение и едва не погибли сами [1, с. 273]. Однако если бы казаки потеряли всё своё снаряжение (топоры, пилы, стамески, коловороты и прочее), то они не смогли бы построить речную лодью и поставить острожек на устье р. Ульи. А затем, в зиму 1639–1640 г., построить на устье Ульи два морских коча длиной в восемь сажень, на которых они летом 1640 г. совершили плавание к устью р. Амур.

Остаётся признать, что казаки действительно оставили свои струги выше порогов и, обойдя их берегом, построили ниже порогов речную лодью, на которой они сплывались к устью р. Ульи. И там до середины осени занимались ловлей и заготовкой рыбы (юколы) на зиму, а также строительством зимовья с острожком. И лишь 11 октября 1639 г. они на этой же речной лодье отправились в сторону р. Охоты, до которой они доплыли за три дня. Об этом в упомянутых выше «Распросных речах служилых людей <...> от 8 января 1646 г.» говорится: «Да ис того ж острожку ходили морем на Охоту реку трои сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки... те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные» [12, с. 140]. Ввиду быстро наступающей зимы, они далее плыть не решились. А потому ограничились расспросом населяющих устье р. Охоты тунгусов о землях, расположенных восточнее Охоты, в том числе и о Тауйской губе.

Некоторые исследователи считали, что в 1639 г. Москвитин доплыл до Тауйской губы. В частности, Л. С. Берг отметил, что «...люди из отряда Москвитина разведали берег Охотского моря на восток до Тауйской губы, а на юг по (до) р. Уды, на которой заложен Удский острожек» [4, с. 84]. Позднее Д. М. Лебедев и В. А. Есаков

также написали: «Около двух лет он (И. Москвитин. – В. Б.) с товарищами совершал далёкие плавания, обследовав на утлых судёнушках огромное пространство, примерно от Тауйской губы на востоке и до р. Уды (а возможно и несколько далее) на юго-западе» [8, с. 105–106].

То же самое говорил и А. И. Алексеев: «Через горы и дремучие леса, по рекам и озёрам вышел на Охотское море в 1639 г. Иван Юрьев сын Москвитин с группой томских казаков. В устье р. Ульи он основал острог, откуда в том же году казаки совершили плавания на север до Тауйской губы и на юг до р. Уды» [2, с. 41].

Н. И. Никитин также посчитал, что, пребывая в построенном на Улье «зимовье с острожком» два года, казаки охотились на соболя, воевали с тунгусами и одновременно, разделившись на две группы, обследовали морское побережье до Тауя на севере и до р. Уды на юге [9, с. 33]. Сами москвитинцы о раздельных плаваниях не говорили, хотя на самом деле они доплыли до устья Амура.

В связи со сказанным выше нелишне будет отметить, что А. И. Алексеев, Н. И. Никитин и Б. П. Полевой ошибались, когда говорили, что москвитинцы плавали от устья р. Ульи на север, так как на самом деле устье р. Охоты располагается к северо-востоку от устья Ульи. Напоминаю я об этом для того, чтобы показать, что историки просто не удосужились сверить свои пространственные представления с координатами современных физико-географических карт.

Плывать к Тауйской губе москвитинцы не могли. Это отметил В. А. Тураев: «Что было потом, с достоверностью сказать невозможно. "Роспись рекам..." зафиксировала все реки, впадающие в Охотское море, вплоть до Тауйской губы. Кроме Урака и Охоты, в ней упоминаются Кухты (Кухтой), Ульпандон (Ульбея), Инга (Иня), Тауй. Перечисление рек идёт в строгой последовательности. Складывается впечатление, что казаки побывали на каждой из них и закончили поход в Тауйской губе. Так, во всяком случае, представляют себе этот поход многие исследователи, а родоначальником этой версии был, скорее всего, И. Э. Фишер, в "Сибирской истории" которого и содержится наиболее раннее такое утверждение (Фишер, 1774). На самом деле казаки смогли побывать лишь на Ураке и Охоте. Дойти до Тауи поздней осенью на речной ладье, да ещё за несколько дней, невозможно. Информацию о других реках Москвитин получил от эвенов, которые в первой половине XVII века занимали на охотском побережье территорию

от Ульи до Тауи. На юго-западе их соседями были аяно-майские эвенки, на северо-востоке – коряки. Первое продвижение части охотских эвенов далее на восток документально зафиксировано лишь в последнем десятилетии XVII века (Туголуков В. А., 1982, с. 156). Отсюда становится понятно, почему "Роспись рекам..." обрывается именно на Тауе. К тому времени эвены ещё не проникли далее той реки и потому не могли сообщить казакам ничего достоверного» [16, с. 4].

Но ведь разобрался же я с тем, что москвитинцы не плавали до Тауйской губы и, наоборот, заплыли на юг многим далее устья р. Уды. Как разобрался с этим и Б. П. Полевой: «Русские впервые узнали о существовании р. Тауй ещё во время исторического похода Ивана Москвитина, первого русского похода на Тихий океан. Москвитинцы услышали о существовании этой реки ещё в те нелёгкие для них дни, когда они поднимались вверх по р. Мае. Долгое время исследователи считали, что именно москвитинцы и смогли первыми из русских людей побывать на Тауе. Но теперь уже достоверно установлено, что Иван Москвитин и его спутники доходили в северном направлении только до р. Охоты и на Тауе не бывали» [10, с. 85].

К сказанному остаётся добавить, что, побывав на устье р. Охоты, расположенной в 350 км западнее Тауйской губы, казаки от охотских тунгусов узнали о том, что за этой губой морской берег, резко повернув к северо-востоку, уходит в необозримую даль. И тем самым заложили начало представлению о существовании на пути к северо-востоку вдоль северного берега Охотского моря большого «носа» в лице двойного полуострова Кони-Пьягина. И этот предполагаемый Нос позднее стал ассоциироваться сначала с полуостровом Тайгонос (с Ламским Носом), а затем и с так называемым Заносьем, протягивающимся от устьев рек Пенжина и Анадырь до Камчатского перешейка.

Об обширности сведений, добытых казаками отряда И. Москвитина из расспросов аборигенов, свидетельствуют и другие данные землепроходцев: «...р. Охота пала в Ламу, а по ней живут тунгусы многие, на устье той реки орда сидячая, толиганы, а вверх по той р. Охоте живут люди оленные: род Киланской, род Горби-канской, род Толюнской, род Унгатабирской, род Тумучерской, и иные на ту реку приходят многие для корму рыбного, что та река рыбою рыбна <...> и в тех родах люди воисты, боем своим жестоки; река Кукты (Кухтой) пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, озяны и готнинка-

ны, и в тех родах и в улусах человек по 100 и по 200; река Улкондон, устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы улбиданцы; р. Инга (Иня) впала в Ламу, а по ней живут тунгусы инганцы; р. Тоуй пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, говуданы и уяганы, и выяканы и огочолы» [13, с. 92–93]. Тем не менее далее к востоку они плыть не решились и возвратились на устье р. Ульи.

Здесь они зимой – весной 1640 г. построили два больших морских коча длиной по 8 саженей (около 17 метров) каждый. Весной 1640 г. на них совершили нападение тунгусы Киларского и Горбиканского родов численностью, как говорили сами казаки, до 900 человек. В труднейшем бою москвитинцы захватили в плен 7 туземцев, среди которых был князец, хорошо знавший юго-западное побережье Охотского моря. И именно он, как считал Ф. Г. Сафронов, в расспросах сообщил казакам о морском пути до устья р. Амур. Правда, первые сведения о р. Зее – притоке Амура, люди Д. Копылова получили ещё в 1638 г., пребывая в Бутальском зимовье. А в 1639 г., плывя по р. Мае, москвитинцы от двух тамошних тунгусок узнали, что большая южная река называется Омуром [11, с. 263]. А потому летом 1640 г. москвитинцы, ведомые тунгусским князем, на двух кочах на-

правились в сторону Амура. То есть не к устью р. Уды, как считали некоторые исследователи, а многим южнее – к устью Амура.

Что же касается самого плавания, то следовали они к югу в 2–3 вёрстах от берега моря. И на этом пути открыли Шантарские острова, а также острова Удд, Лангр, Хатемиф и Сахалин. А затем побывали и в непосредственной близости от устья р. Амур. Но так как на пути к устью Амура они прослышали о многочисленном населении его низовий, то не решились войти в его устье и повернули назад [там же, с. 267].

На обратном пути казаки остановились на зимовку на устье р. Алдомы. Здесь они от береговых тунгусов узнали о том, что отсюда можно выйти к р. Северный Уй и выплыть по нему к р. Мае. А потому весной 1641 г., совершив от устья Алдомы пеший переход к р. Северный Уй, 11 томских казаков во главе с И. Москвитиным построили там судно, сплывались на нём к р. Мае, по ней приплыли к Алдану и оттуда проследовали до Якутска. Тогда как 20 енисейских казаков от устья р. Алдомы вернулись на устье Ульи.

В 1642 г. И. Москвитин вернулся в Томск. А некоторые его сослуживцы (С. Колобов, А. Горелый и Ф. Чукичев), оставшись в Якутске, участвовали затем в походах казачьих отрядов по северным рекам.

1. Азатьян А. А., Белов М. И., Гвоздецкий Н. А., Каманин Л. Г., Мурзаев Э. М., Югай Р. Л. История открытия и исследования Советской Азии. М. : Мысль, 1969. 535 с.
2. Алексеев А. И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1958. 158 с.
3. Он же. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М. : Наука, 1982. 288 с.
4. Белов М. И. Семён Дежнёв. М. : Мор. транспорт, 1955. 153 с.
5. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 358 с.
6. Вус В. Г. Заветный край особой русской славы : науч.-попул. очерк истории Охотска. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1990. 224 с.
7. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах (XVII – первая половина XVIII вв.). М. : Географгиз, 1950. 318 с.
8. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования: с древних времён до 1917 года. М. : Мысль, 1971. 516 с.
9. Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М. : Просвещение, 1990. 144 с.
10. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки : в 2 ч. Петропавловск-Камчатский. Камч. печ. двор, 1997. Ч. 1. 159 с.
11. Он же. Об ошибках в освещении похода Ю. Ю. Москвитина 1639–1641 гг. // Избранное / Б. П. Полевой. Петропавловск-Камчатский, 2021. С. 261–271.
12. Расспросные речи служилых людей Нехорошко Колобова, Андрея Горелого, Фёдора Чукичева о плаваньях по рр. Оймекон, Охоте и Индигирке в 30–40-х гг. от 8 января 1646 г. // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии : сб. док. М., 1951. С. 139–144.
13. Росписи рекам и имена людям, на которой люди живут... // Колумбы земли русской : сб. док. описаний об открытиях и изучении Сибири, Дал. Востока и Севера в XVII–XVIII вв. / сост. К. В. Цеханская. Хабаровск, 1989. С. 91–94.
14. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во. 1988. 192 с.
15. Сильницкий А. П. Поездка в Северные округа Приморской области // Вопросы истории Камчатки / ред.-сост. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский, 2011. Вып. 5. С. 93–207.
16. Тураев В. А. Первая русская экспедиция на Тихий океан: опыт изучения и проблемы // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования) : сб. науч. тр. Владивосток, 1994. Т. 1. С. 4–29.